От редколлегии

ТОЛЬКО АРХЕОЛОГИЯ!

Короткое, почти мгновенное, постсоветское десятилетие подходит к концу. Теперь ясно, что для науки это был своеобразный инфаркт, за которым в лучшем случае — еще больший приступ, а в худшем — смерть, и ничего больше. Это был не кризис с последующим выздоровлением. Это было не косметическое «очищение» от угристых догм, уродующих лицо академического «Зверя лесного», внутри которого покоилась чистая и незапятнанная душа лаборанта-подвижника. Работа над внешним совершенством завершилась не только избавлением от догм, но и ликвидацией всего того, что хоть издали могло стать объектом догматизации, то есть от идей, теорий, гипотез. Из науки был вытеснен процесс размышления, а вокруг науки исчезли все предпосылки наличия хоть какого-либо времени для посвящения себя этому процессу. *То лучшее, что существует сегодня в науке, это — продолжающее существовать, а не возникшее*, поэтому не стоит себя успокаивать жалкими примерами чьей-то успешной научной карьеры. Успешная научная карьера, оказывается, вполне может сосуществовать с отсутствием науки, с отсутствием конкретной ценности, называемой таким словом. Самое главное и самое страшное то, что абсолютно не ясно: происшедшее — это трагедия или некое квазиисторическое обличие блага, доступное для смакования лишь благодарными потомками. Ведь наука как бы не исчезает повсюду, она самоустраняется только где-то к востоку от Прута и к западу от Владивостока. Кроме того, вся эта описанная реальность совсем не бесспорна. Особенно для тех, кто продолжает прочно сидеть на «грантовой игле» и плодить предсказуемые тексты для умиляющихся доноров. Не бесспорна она и для тех, кто связывает проблемы науки с финансовыми провалами, показателями индекса Доу Джонса или близорукостью агонизирующей власти. Но таковых меньшинство, абсолютное же большинство уже давно покинуло пределы досягаемости карающих десниц Ученых Советов, аттестационных комиссий и черных рецензентов. Большинство уже в нирване «первоначального накопления», под сенью иных авторитетов доказывая на свой манер бесспорность и печальную истинность отмеченной реальности.

Теперь, без сентиментальных аллюзий, окидывая взором научный горизонт постсоветского пространства, мы без сомнений можем констатировать гибель большинства гуманитарных дисциплин, в первую очередь так называемой исторической науки, не выдержавших испытания «сочинением на свободную тему». Начав донкихотское сражение за историческую истину, эта наука потерпела поражение от той самой ситуации, которая была порождена не без ее помощи, превратившись в лучших своих проявлениях из обличителя и морального наставника в ловкого контрагента по экспорту архивного сырья на Запад. Но не только прокрустово ложе «application form» наполнило гуманитарное знание звонкой безыдейной пустотой. Оказалось, что в самом этом знании отсутствовали элементарные механизмы самозащиты и развития — рефлексия, представление о сложной природе собственных источников, первичность (а не подражательность!) научного языка, а главное — невозможность дистанцирования от власти, если не сказать нежелание дистанцирования от власти.

Но, к счастью, когда умирает все, находится нечто такое, что все же возникает, существует и прорастает. Возникает и прорастает именно потому, что нечто высохло и вымерло. В соответствии с самой логикой вещей мы знаем, что, когда исчезает все, остается только одна реальная вещь — археология и соответствующий ее предмету культурный слой, stratum, так сказать. Без всяких преувеличений можно сказать, что все то, чего нет и не было в истории, активно возникает, поднимается и уже процветает именно в археологии. Археология на территории бывшего Советского Союза оказалась сегодня беднее всех, но только наша совковая археология смогла не только принять вызов безыдейности, но, по существу, не заметить его. Только археология выдержала международный интеллектуальный ритм, подключившись к нему где-то в конце 60-х, и продолжает существовать в нем сугубо по своим собственным правилам,

сохранив не только наступательный теоретический потенциал, но и весьма специфические, неотделимые от археологии образ жизни и нравственный канон. Если вчера коллеги-историки со свойственным им галстучно-костюмным снобизмом повторяли известное определение археологии как истории, вооруженной лопатой, то сегодня стало ясно, что сама наука истории — это в лучшем случае сложившая оружие археология, лишенная методов, законов, да и смысла дальнейшего существования. Отвлекаясь теперь от пространственных границ бывшей советской археологии и говоря об археологической науке в целом, можно предположить, что, в известном смысле, только в археологии сегодня рождаются самые свежие и непредсказуемые идеи, и только с археологии начнется новое гуманитарное знание следующего тысячелетия.

Наш журнал и возник как опровержение весьма рискованного утверждения о кризисе постсоветской археологии. Мы с таким диагнозом не согласны, хотя соглашаемся с самыми пессимистическими оценками состояния всей остальной науки. Именно поэтому сверхзадача журнала не только в том, чтобы объединить лучшие действующие творческие силы нашей науки, не только в том, чтобы мобилизовать тот культурный stratum, который продолжает творить, подчиняясь естественному циклу сомнений, терзаний, экспедиций, находок и удач, не замечая суетливую смену властей, знамен и правителей, но и начать движение археологии в будущее. Леви-Стросс говорил, что XXI век будет гуманитарным, либо его вообще не будет. Если следовать этому пророчеству, выходит, что у следующего века остается не так уж много шансов на самореализацию. Остается одна последняя надежда — только археология..!

Марк Ткачук
Ректор Высшей Антропологической Школы